

*Величайший духовный и
политический переворот нашей
планеты есть христианство.
В сей-то священной стихии исчез и
обновился мир. История древняя
есть история Египта, Персии,
Греции, Рима. История новейшая
есть история христианства.*

А.С. Пушкин

В отечественном пушкиноведении, в публицистике и широкой массовой печати не утихают горячие споры: были ли наш величайший русский поэтический гений, «наше все» христоролюбивым, православным верующим как по религиозному мировоззрению, так и в своем многообразном поэтическом творчестве, или над ним довели и им твердо управляли материалистические, антиклерикальные силы и догмы?..

Вопрос, казалось бы, давно решен: да, в строгом соответствии с канонической морально-нравственной формулой Достоевского «русский, сиречь православный» Пушкин, несомненно, был в высшей степени русским национальным поэтом, стало быть, свято чтящим Господа и Православную веру. По Достоевскому, одно вытекает из другого и тесно взаимообусловлено.

В многочисленных воспоминаниях современников, в письмах поэта, в его пленительных стихах, сказках, поэмах, повестях, драмах — всю-

О. Кипренский.
Портрет А.С. Пушкина. 1827

ленный в свое время роман Юрия Тынянова «Пушкин»), адептом западного либерализма, ругателем русского духовенства и, в конечном счете, ненавистником России. Более циничных обвинений в адрес «солнца русской поэзии» придумать трудно. Лояльные и вдумчивые исследователи даже сегодня все еще осторожно отмечают, что поэту, мол, была изначально свойственна антиклерикальность, но он эволюционировал, как отмечала Л.А. Боброва, «от нейтрального и даже критического отношения к православию до полного его признания и в некоторых случаях — воцерковления».

В широком круге исследователей русской классической литературы все еще можно встретить расхожие суждения, что жизнь поэта не была жизнью воцерковленного человека, но, напротив, это была жизнь весьма одаренного, но легкомысленного «повесы»...

Поэтому стоит вернуться к названной теме, опираясь на художественные тексты поэта, его основные биографические данные, эволюцию миропонимания, на доказательные суждения иерархов Русской православной церкви.

СЕРДЦЕ, ЖЕРТВА ЗАБЛУЖДЕНИЙ...

Начнем с ранних детских лет Пушкина. В дворянских семьях обычно детей воспитывали, давали им домашнее начальное образование французы-гувернеры. Так было и у Пушкиных. Гувернеры Монфор и Русло — первые иностранные учителя будущего великого поэта. Малообразованные, очень далекие от грамотного воспитания и понимания детской психологии, абсолютно чуждые русскому национальному духу, едко насмеявшиеся над всем русским и христианским.

Неусидчивый, дерзкий, стремительный и вместе с тем очень любознательный Пушкин-ребенок не очень-то жадно внимал невежественным наставлениям заезжих «педагогов». «Так случилось, что в раннем детстве, которое в душе каждого человека оставляет обычно самые дорогие воспоминания на всю жизнь, Александр Сергеевич Пушкин был обделен материнской и отцовской лаской, — вспоминал Ва-

ду явственно ощутимы его христианские, православно-религиозные искания, идеи, мироощущения, органично воплотившиеся в самых разнообразных персонажах, сюжетных коллизиях и глубоких авторских комментариях.

Однако пушкиноведы вульгарно-материалистического, как правило, русофобского закваса жестко и напоористо возражают: недопустимо, мол, называть христоролюбивым автора богохульной «Гавриилады» и похабных стихов под именем Баркова (безосновательно приписываемых Пушкину).

Еще с советских лет, когда в нашем литературоведении господствовал «классовый подход» и абсолютно доминировала социологически выстроенная, «единственно научная и правильная» эстетическая методология, Пушкина рисовали яростным и непримиримым противником царя и монархии (прочитайте, к примеру, перехвал-

сий Лвович Пушкин (1766–1830). — Знаменитые иронические строки «Евгения Онегина» были как раз той самой шуткой, в которой всегда есть доля правды:

Родные люди вот какие:
Мы их обязаны ласкать,
Любить, душевно уважать
И, по обычаю народа,
О Рождестве их навещать
Или по почте поздравлять,
Чтоб остальное время года
Не думали о нас они...
Итак, дай Бог им долги дни!»

Годы, проведенные в Царскосельском лицее, где господствовал дух неукротимого либерализма, конечно, дали сильный толчок к развитию поэтического дара будущего великого поэта, но вместе с тем и усилили на время печальные результаты домашнего антиклерикального воспитания.

Зато заботливое попечение няни Арины Родионовны Яковлевой, простой русской крестьянки, получившей «вольную», неграмотной, но глубоко поэтической натуры, Пушкин воспринимал с необыкновенной живостью и чутким трепетом. Бесспорное тому свидетельство — сохранившийся на всю жизнь в его душе светлый образ христоролюбивой няни. Арине Родионовне он посвятил стихотворения «Наперсница волшебной старины», «Зимний вечер», «Няне». Поэт трогательно упоминает ее в стихотворении «Вновь я посетил...», вспоминает о ней в «Евгении Онегине» (в образе няни Лариных — Филиппьевны), в отрывке «Сон»:

Ах, умолчу ль о мамушке моей,
О прелести таинственных ночей,
Когда в чепце, в старинном одеянье,
Она, духов молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня
И шепотом рассказывать мне станет
О мертвецах, о подвигах Бовы...
От ужаса не шелохнусь, бывало,
Едва дыша, прижмусь под одеяло,
Не чувствуя ни ног, ни головы...

Не отсюда ли — из бездонного кладезя многочисленных народных сказок, легенд и сказаний, которые поведала ему кудесница-няня, проистекают дивные фольклорные мотивы в пушкинских шедеврах, определивших глубокую народность его эстетики и русского национально — философского миропонимания, тесно связанного с православным христоробием?..

Исследователи жизни и творчества поэта давно уже показали, как много подлинно русского, национального впитал он в себя, общаясь с Ариной Родионовной, и по праву включают ее в круг самых близких его друзей. «Была она настоящей представительницей русских нянь; мастерски говорила сказки, знала народные поверья и сыпала пословицами, поговорками, — вспоминает О.С. Павлицева. — Александр Сергеевич, любивший ее с детства, оценил ее вполне в то время, как жил в ссылке, в Михайловском. Умерла она у нас в доме, в 1828 году, лет семидесяти с лишком от роду, после кратковременной болезни»¹.

В дальнейшем в качестве учителя и наставника судьба даровала юному Пушкину незаурядную личность — человека высокой духовной культуры, редкостного благонравия и широкого образования, священника Мариинского института

¹ «Друзья Пушкина». Переписка; Воспоминания; Дневники. В 2-х т. — М., 1985. — Т. 1. — С. 128.

Александра Ивановича Беликова, преподававшего ему Закон Божий. Это им был составлен «Катехизис, или Краткое изложение православного христианского закона».

Протоиерей И. Предтеченский отмечал: «Следует с уверенностью сказать, что размышления священника Беликова по вопросам веры и нравственности оставили свой след в душе будущего поэта, в глубинах юного, пытливого Пушкина уже тогда замерцало его религиозное сознание, которое никогда не угасало в нем, и даже тогда, когда за внешней оболочкой брезгливости он проводил время «в безумстве и лени»² (выделено мной. — В.Ю.).

Кто в юности, горячо пылающей иллюзиями и романтическими представлениями, не подвергал сомнениям все и вся, не считал собственные, еще не оперившиеся взгляды и представления, сколь бы наивны они ни были, самыми «умными», самыми глубокими и бесспорными?..

Важно понять, что Пушкин был чрезвычайно живой, порой даже экзальтированной, восторженной личностью. Изначально он воспринимал мир как бесценное, дивное Божие творение, будущее рисовалось юному поэту в самых радужных и теплых тонах, и он страстно устремился навстречу жизни — будто навстречу солнцу!.. Именно поэтому такой жизнерадостной и светлой станет его лирика.

Лишь пожив на свете, узнав черную изнанку жизни, получив жестокие и беспощадные удары судьбы, он начинает сознавать, как сложен, многолик и противоречив мир, как трудно переживается горе от ума... Его многожанровое творчество станет глубоким, мудрым и драматичным. Но останется неизменным одно — неувыдаемая вера в счастье бытия, радость ощущения жизни, поклонение природе как великому и нескончаемому Божию творению...

Если в юности его еще одолевает сомнение: «Ум ищет Божества, а сердце не находит», то в зрелом возрасте поэт уже твердо и убедительно рассуждает: «Сердце, жертва заблуждений среди порочных упоений, хранит один святой залог, одно Божественное чувство» («Бахчисарайский фонтан»).

Пожалуй, не найти такого поэтического творения Пушкина, в котором прямо или подспудно не звучали бы вдохновляющие и жизнеутверждающие религиозно-христианские мотивы: «Странник», «Ангел», «Когда великое свершилось торжество», «Вечерня отошла давно», «На тихих берегах Москвы», «Надгробная надпись кн. А.Н. Голицыну»...

Наивысшее поэтическое озарение пушкинское православное сознание получило в его гениальных творениях — «Пророке», молитве «Отцы пустынники и жены непорочны», «Борисе Годунове» (монолог летописца Пимена), «Евгении Онегине» (образ благонравной Татьяны Лариной), стансах — «В часы забав иль праздной скуки», — стихотворении «Монастырь на Казбеке»...

Вслед за Достоевским архиепископ Камчатский и Сеульский Нестор (1884–1962) указывал на то, что именем Пушкина русское общество оказалось пробужденным от чар богоборчества, от обильно проникавших в Россию с Запада революционно-радикальных антидержавных веяний и либеральных настроений, почувствовало себя снова русским, православным, обремененным высшим духовным призыванием...

Понять истинного Пушкина — боголюбца, православного христианина помогает нам высокопреосвященнейший митрополит Анастасий (1873–1965), в миру Александр Александрович Грибановский, не однажды обращавшийся к личности и творчеству «солнца русской поэзии».

² Прот. И. Предтеченский. Страницы из жизни и творчества А.С. Пушкина // Тверские епархиальные ведомости. — 1994. — № 7–8. — С. 15.

Наследуя духовное слово митрополита Филарета, архиепископа Никанора, митрополита Антония и других высоких русских иерархов — мыслителей, поставивших во главу угла своего пастырского слова неудержимую устремленность к Русской идее, продолживших путь к познанию подлинно духовно-православного Пушкина, митрополит Анастасий возрождает традиции канонического воззрения на Пушкина, принятые Православием в дни общероссийских торжеств 1880-го и 1899 года.

ДУХОВНОЙ ЖАЖДОЮ ТОМИМ

В августе 1824 года Пушкин был сослан в село Михайловское Псковской губернии, где прожил безотлучно до сентября 1826 года.

Известно, сколь остра и мучительна пытка одиночеством, особенно для таких искрометных, живых и общительных натур, как Пушкин. Далеко не каждому дано ее успешно преодолеть, разве что человеку, свято верующему в Господа и Его нравственно возвышенные, исцеляющие заповеди.

Цинизм властей, обрекших поэта на одиночество, заключался в том, что они прекрасно знали о его глубоких эмоциональных переживаниях, повышенной душевной экспрессии, что разлука с близкими и друзьями может серьезно подорвать его физически и морально. Тишина и внешний покой уединенности далеко не всегда плодотворны в творческом плане, как традиционно принято считать. Даже у сильного человека, находящегося в отчаянном одиночестве, порой опускаются руки, страдает и расслабляется воля, наступают метания, душевная мятежность и мучительные сомнения во всем и вся.

«И в жизни сей мне будет утешенье: мой скромный дар и счастье друзей», — открыл свою глубокую, трепетную и мятежную душу великий поэт, душу, которая не может жить взаперти.

Иной читатель снисходительно скажет: подумаешь — два каких-то года ссылки — не такое уж и жестокое наказание. Не в глухомань же сибирскую сослали, в село Михайловское — центр России, Псковская губерния, вдали от шума городского. Да и сослали, мол, «за дело» — не надо было слишком своевольничать, вольнодумствовать и резко осуждать крепостничество, царя, высокопоставленных вельмож. И хорошо, дескать, что вовремя сослали, лишив горячего поэта соблазна выйти на Сенатскую площадь в декабре 1825 года и тем самым спасши его голову от куда более жестокого наказания...

Напомню, гражданское вольнодумство поэта ярко проявило себя еще задолго до ссылки в Михайловское. «Вольности» — юношеская ода Пушкина, предположительно написанная еще в ноябре-декабре 1817 года и послужившая причиной четырехлетней ссылки поэта на юг России, действительно чрезвычайно резка по тону и категорична по выводам: «Хочу воспеть Свободу миру, на тронах поразить порок...», «Тираны мира! Трепещите! <...> Восстаньте, падшие рабы!».

Впрочем, нельзя не признать, что высокое гражданское звучание «Вольности» не утратилось и в наши дни, являясь поучительным уроком для правителей всех стран и народов:

Владыки! Вам венец и трон
Дает Закон — а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон...

В советском литературоведении особенно часто цитировали нижеследующие строки, придавая им «классовое», революционное значение:

Самовластительный Злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостию вижу...

Безапелляционно утверждалось, что особенно резкие строки «Вольности» направлены против русского государя Александра I. Однако это не так. Достаточно понять, кого именно подразумевает Пушкин под «самовластительным злодеем» — конечно же, Наполеона Бонапарта, насильственно захватившего власть во Франции и самовластно объявившего себя императором. Строка «Вольности» «Упрек ты Богу на земле» тем более убеждает, что она не может относиться к русскому царю — законному престолонаследнику и уж никак не может клеймить православного русского самодержца.

Как бы то ни было, поэт «переиграл» своих недоброжелателей и злых завистников. В отдалении от мелкой и ничтожной суеты столичного света он нашел силы не только воспрянуть духом, но и разбудил в себе творческий огонь, обрел тесную связь с той стороной жизни, которую доселе хорошо не знал, а именно — с жизнью простого русского народа. Благодаря вере он не ощущал тягучее течение времени ссылки,

Здесь, в полном уединении и моральном согласии с самим собой, в тесном общении с русской самобытной природой, добрыми, набожными крестьянами, он смог глубоко заглянуть в свое сердце, понять душу родного народа. Он усердно читает Библию, жития святых, Шекспира, Вальтера Скотта, посещает знакомых в Тригорском имении П.А. Осиповой. Здесь Пушкин впервые вошел в живое, непосредственное общение с церковью через братию Святогорского монастыря и окрестное духовенство.

Воочию наблюдая тесную связь народа с монастырем и углубляясь в изучение летописей, в которых живописно и образно развертывались широкие картины жизни Древней Руси, Пушкин со свойственной ему добросовестностью не мог не оценить по достоинству неизмеримо высокое, нравственно исцеляющее влияние Русской православной церкви на русский народ и Российское государство.

Исследователи творчества Пушкина отмечают: то, что поэт написал после 1825 года, мог написать только Пушкин, то есть его творческий уровень достиг доселе небывалой, огромной высоты. Это была пора его золотой зрелости, когда он стал, по выражению Вадима Кожинова, «одним из величайших мировых поэтов», создателем своих высших творений. И без сильнейшего благотворного влияния церкви, православной веры и ее заповедей он, очевидно, не достиг бы тех необъятных, творчески поднебесных высот, которые открылись ему в ссылке.

Очень многие читатели и почитатели русского гения едины во мнении: Пушкин — не только высочайшая вершина отечественной и мировой литературы, но и высочайшая вершина нравственности, достоинства и чести русского гражданина, национально-патриотического чувства и уважения к иным народам и культурам. «При имени Пушкина, — писал Н.В. Гоголь в 1832 году, — тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте. В самом деле, никто из поэтов наших не выше его и не может более называться национальным; это право решительно принадлежит ему. В нем, как будто в лексиконе, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал все его пространство. Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится чрез двести лет. В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла».

«Достоинством России» называл Пушкина его добрый, верный и заботливый лицеистский друг Пущин, человек очень трудной судьбы, сумевший вовремя уберечь увлекающегося поэта от сближения с тайным обществом декабристов. Именно к Пущину обращался юный Пушкин поэт в 1814 году, за 11 лет до трагедии на Сенатской площади:

Товарищ милый, друг прямой,
Тряхнем рукою руку.
Оставим в чаше круговой
Педантам сродну скуку:
Не в первый раз мы вместе пьем,
Нередко и бранимся,
Но в чашу дружества нальем —
И тотчас помиримся...

Пушкин-поэт изначально прекрасен, но в пору своей золотой зрелости он осознает: «Я чувствую, душа моя расширилась, я могу творить». Это скромное открытие говорит само за себя: в художественном поиске он редко оставался доволен собой, очень критично относился к своим творениям, лишь изредка «награждая» себя высокой похвалой: «...ай да Пушкин, ай да сукин сын!»

Идеальный образ человеческой личности, который лелеял поэт в своей душе, это образ православного христианина. Особенно сильно он воспринимал евангельские сюжеты в последние годы и дни жизни, явно предчувствуя трагический конец. Но в его поэзии этого периода нет уныния, душевной отрешенности, горестной печали от грядущего и неизбежного ухода в мир вечного Божьего покоя...

«Гений Пушкина выразил трагическую мысль: добро не может победить зло, потому что оно перестает быть добром, — высказал спорную мысль литературовед Вадим Кожин. — Перечитайте стихотворение о предательстве Иуды. Здесь действительно та всемирность, которая ставит Пушкина в ряд самых высших поэтов, самых сильных, выразивших столь поразительную мысль»³.

В. Кожинovu возражает журналист Галина Ореханова: «Все творчество поэта было буквально пронизано солнцем любви и торжествующего добра. Нравственный подвиг Пушкина состоит в том, что он воспел христианскую культуру и доказал ее полное право на жизнь. В последние годы Пушкин находился во власти евангельских сюжетов, но не посягал на их иное, чем в Евангелии, толкование»⁴.

Вот почему весьма показательны письма поэта из Михайловского к своему другу — поэту и критику П.А. Вяземскому, в одном из них (июль 1826 года) он пишет с большим огорчением и возмущением: «Все возмутительные рукописи ходили под моим именем, как все похабные под именем Баркова. Если бы меня потребовали Комиссией, то я бы, конечно, оправдался...»

Поэта чрезвычайно угнетала и возмущала мысль, что в общественном сознании его времени, стало быть, утвердится и в памяти потомков злая и нелепая мысль, будто он, призванный Господом «глаголом жечь сердца людей», способен на написание подобных пошлых «шедевров», приписываемых злыми языками его благородной творческой руке...

О каком же возможно «самооправдании» ведет речь поэт? И было ли в чем ему действительно «оправдываться»?..

19 августа 1828 года Пушкин был вызван в Петербург к военному губернатору по поводу обвинения в написании «Гавририады» и дал такое письменное показание: «Ни в одном из моих сочинений, даже тех, в коих я наиболее раскаиваюсь, нет следов духа безверия или кощунства над религией. Тем прискорбнее для меня

³ В.В. Кожин. Тайна Пушкина. — Сов. Россия. — 1994. — 4 июня. — С. 4.

⁴ Там же.

мнение, приписывающее мне “Гавриладиу” — произведение жалкое и постыдное»⁵.

К сожалению, эти, бесспорно, предельно искренние признательные слова Пушкина не убеждают, да и не могут убедить негативно настроенных «пушкиноведов», уж сколько времени и сил понапрасну потративших на выискивание строк, свидетельствующих о якобы вульгарно-материалистическом «богоборчестве» поэта... «Не в том главный ужас, что Пушкин мог написать эту гадость, а в том, что “Гавриладиу” переписывали и читали с каким-то сладострастным упоением!» — произнес один из них. Тогда, позвольте, сударь, Вас спросить — причем же тут сам Пушкин?.. Ведь не он же тиражировал и распространял эту несусветную гадость?!

Увы, до сих пор переписывают, активно «популяризуют» «Гавриладиу», беспрестанно тиражируют пресловутые «Потаенные романы Пушкина», «Стихи не для дам» те «доброжелатели», которых хлебом не корми, лишь бы низвергнуть великого поэта в пучину безмолвия.

Ныне стало злым поветрием приземлять, унижать, опошлять русских национальных гениев. Впрочем, это даже не только злое поветрие, а целенаправленная политика, направленная на дискредитацию и свержение русских национальных героев с пьедестала с целью подавления корневого отечественного самосознания. Вспомним, кто только из них не подвергался опорочиванию, грязному шельмованию, злой лжи, начиная от царя Ивана Грозного до Ломоносова, Достоевского, Блока, Есенина, Шолохова, Чайковского, Жукова — несть им числа...

Нынче, быть может, не столько Пушкина надо защищать от разгулявшихся чужебесов, сколько всю нашу русскую литературу, все русское, духовно светлое, национальное.

Преднамеренно игнорируется то, что в нервной, напряженной суете нелегких будней светлый творец тоже может поддаться искушению житейского соблазна, временному унынию, а его гармоничная лира способна издать диссонирующий звук. Ни в каких наших оправданиях он не нуждается. Но важно призвать сомневающих в нравственном и духовном совершенстве поэта к элементарному пониманию, что он был высокой и совершенной натурой, тонкой, чистой и благородной; что он был глубоко убежден в том, что поэты — это посланники Господа на грешной земле, призванные «глаголом жець сердца людей», морально и нравственно исцелять их, будить в них доброе, прекрасное, вечное, Божеское...

Наиболее часто вменяемые Пушкину «кощунства», по справедливому замечанию Ходасевича, «неизменно шуточные, а не воинствующие», «их стрелы не ядовиты и не глубоко ранят». Они были скорее случайной вспышкой горячей природы или просто легкомысленной игрой воображения юного поэта, нежели сознательным его убеждением, и никогда не носили характера ожесточенного, бескомпромиссного богоборчества».

«Процесс его религиозного развития проходил с изумительной быстротой; он гораздо раньше, чем в свое время Толстой и Достоевский, понял, что без религии жизнь не имеет смысла и оправдания и что к постройке религиозного мировоззрения нельзя приступить только с таким слабым орудием, каким является наш колеблющийся рассудок, здесь необходимо указание внутреннего духовного опыта, прикосновение к родной русской земле, от которой так много заимствовали в смысле своего нравственного воспитания и наши последующие великие писатели», — говорит о Пушкине митрополит Анастасий.

Пушкиноведы и лингвисты делали небезуспешные попытки доказать, что поэт

⁵ В.В. Никольский. Нравственные идеалы Пушкина // Христианское чтение. — М., 1982. — С. 50.

не имеет никакого отношения к пошлой и циничной «Гаврилиаде», как и к стихам под авторством «Баркова». Но православный дух поэта подвергается сомнению по сей день.

В частном письме один мой знакомый заметил: «Сомнения относительно религиозности Пушкина у меня возникали (да и сейчас не оставляют) в связи с другим — со “Сказкой о Попе...”. Не зря при жизни поэта да и много лет спустя ее ни разу не издавали...» Ставить под сомнение православную религиозность в Пушкина, оперируя лишь его шуточной «Сказкой о Попе и его работнике Балде», представляется крайне неубедительным. Рассуждая о принципиальной возможности или невозможности авторства Пушкина в некоторых его озорных стихах, написанных, по выражению протоиерея И. Предтеченского, «в безумстве и лени», я полагаю, надо исходить прежде всего из глубокой внутренней культуры великого русского поэта, который вряд ли опустил бы до пошлости даже при своем кратковременном расслаблении духа, на что способен каждый живой человек. Основной написания поучительной, искрящейся добрым юмором «Сказки о Попе и о работнике его Балде» послужила русская народная сказка, записанная Пушкиным в Михайловском в сентябре 1830 года от Арины Родионовны. Пушкинский гений придал ей неподражаемый художественный блеск и светлую дидактическую мораль: никто, даже отдельные служители религиозного культа, не могут оставаться вне доброй, лучезарной и полезной, в конечном счете, критики, если, паче чаяния, кто-то из них вдруг замазывает себя алчностью, сребролюбием и прочими житейскими пороками, совершенно не совместимыми с благородными церковными канонами.

Осененное Божией благодатью пребывание в Михайловском оказалось творчески чрезвычайно плодотворным. Тут поэт создал произведения поистине мирового звучания — историко-философскую драму «Борис Годунов», 3, 4, 5, 6-ю главы «Евгения Онегина».

Стихотворение «Пророк» явилось гениальным подражанием 6, 7 и 8 стихам главы пророка Исайи:

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый серафим на перепутье мне явился...
И он мне грудь рассек мечом
И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп, в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь,
И внемли,
Исполнись волею моей
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

«Я как-то ездил в монастырь Святые Горы, чтобы отслужить панихиду по Петре Великом. Служка попросил меня подождать в келье. На столе лежала открытая Библия, и я взглянул на страницу — это был Иезекииль. Я прочел отрывок, который перефразировал в “Пророке”. Он меня внезапно поразил, он меня преследовал несколько дней, и раз ночью я встал и написал стихотворение», — отмечал поэт.

Сложный, мятежный, нередко противоречивый, Пушкин обретал цельность и духовно-нравственную гармонию, как только соприкасался с Богом. Вместе с автором обретают глубокую внутреннюю цельность и духовную прочность его поло-

жительные герои. Критерием положительности пушкинских персонажей является степень их «приближенности» к Всевышнему. «Но я другому отдана; / Я буду век ему верна», — с глубоким внутренним достоинством и чувством высокой нравственной ответственности заявляет Татьяна Ларина Онегину, которого она по-прежнему искренне любит. Но переступить порог верности мужу она не смеет даже в мыслях, ибо брак освящен самим Господом в православном храме, прервать брачный союз мужа и его супруги в силах разве что одна смерть...

В неколебимую силу святой молитвы верят герои «Капитанской дочки»: не потому ли дважды спасается Петруша Гринев от грозившей ему гибели, что сердцем и умом обращается к Господу, и Всевышний не остается безучастным к его полной драматизма судьбе?.. В образах благонравной Машеньки Мироновой и Татьяны Лариной воплощены искания поэтом идеального характера русской женщины, обобщенного образа женской божественной красоты. Кроме того, здесь угадывается облик любимой жены Пушкина Натальи Николаевны.

Но одно дело — яркие и цельные художественные образы, и совершенно другое — конкретная, реальная фигура жены поэта, которая принадлежала своему времени и не могла избежать определенной условности великосветской жизни, что стало одной из ключевых причин трагической гибели ее супруга, благородно и мужественно, ценой собственной жизни защитившего честь оболганной жены.

«ГЛАГОЛОМ ЖГИ СЕРДЦА ЛЮДЕЙ...»

Поэт, по мысли Пушкина, потому и всевидящий пророк, что получает некое помазание, то есть Божий наказ с неба, очищается и освящается на служение небесным огнем. И потому столь же высоки нравственные обещания, взятые им: быть орудием воли Божией («исполнись волею Моей»).

Тесную связь с «Пророком» имеет стихотворение «Странник». Ученые обнаружили в бумагах Пушкина две выписки из Пролога — книги, содержащей краткие жизнеописания святых, которые по своей тематике имеют сильное сходство с сюжетом «Странника». Автор первой биографии поэта, издавший первое полное собрание его сочинений, П.В. Анненков сообщает, что Пушкин переложил на язык художественного слова сюжет Пролога в Житии преподобного Саввы игумена.

Известно также, что поэт очень внимательно изучал жития святых, Киево-Печерский патерик, знал Четьи-Минеи, составленные в XVI веке митрополитом Московским Макарием. С большим пониманием дела написал в своем журнале «Современник» рецензию на «Словарь о святых, прославленных в Российской церкви, и о некоторых подвижниках благочестия местночтимых».

«Но как объяснить наличие у Пушкина откровенно атеистических выпадов, в частности, в его раннем стихотворении “Безверие”?!..» — восклицают иные пушкиноведы. Мол, можно назвать и другие стихи поэта, в которых он явно выглядит отнюдь не благоговейным религиозным агнцем, но дерзким отрицателем Всевышнего и даже богохульником...

В том-то и дело, что это *ранний* Пушкин. Нередко дерзкий, озорной, еще не проникнувший глубоким чувством Господней веры. Не следовало бы писать с этого Пушкина икону, идеализировать его формирующееся мировосприятие. Пушкин был живой человек с недостатками и противоречиями, эволюция его мировоззрения не была и не могла быть совершенно безупречной. При всем том называть его богохульником — в корне неверно и недопустимо!

По меткому замечанию видного русского литературоведа Петра Палиевского, «Пушкин — такой верующий, с которым удобно говорить атеисту, и такой атеист, с которым удобно говорить верующему».

«Спускаясь с горных творческих высот и погружаясь в заботы и наслаждения су-

етного света, он на миг утрачивал свой дар духовного прозрения. Его окрыленный ум, еще недостаточно дисциплинированный в юности, но отравленный в значительной степени ядом вольтерианства, не мог тогда собственными силами осмыслить мировую жизнь и разрешить все сложные загадки бытия. Отсюда началась для него трагедия оскудения веры, какую так глубоко изобразил он в своем раннем стихотворении “Безверие”, — мудро размышлял митрополит Анастасий. — ...Будучи “зол на весь мир”, он рад был бросить вызов правительству и обществу резкими и желчными литературными выступлениями и другими легкомысленными поступками, приводившими в отчаяние как его отца и других родственников, так и его покровителей и друзей — Карамзина, Жуковского, Вяземского, Тургенева. Под таким настроением душевной дисгармонии и рождались обыкновенно его язвительные политические памфлеты, эпиграммы и кощунственные стихи, оскорбляющие религиозные чувства верующих и стяжавшие ему печальную репутацию безбожника, от коей его имя не может освободиться даже до настоящих дней. Однако неверующим его могут считать только люди тенденциозно настроенные, которым выгодно оставить нашего великого национального поэта религиозным отрицателем, или те, кто не дал себе труда серьезно вдуматься в историю его жизни и творчества».

Допускаю, что на временное увлечение Пушкина атеистическими постулатами негативно повлияли его доверительные отношения с историографом Н.М. Карамзиным, западником, увлеченным якобинскими инсинуациями. Не случайно «попечитель учебного округа Голенищев-Кутузов в августе 1810 года обратился к министру просвещения Разумовскому с предупреждением об опасности, исходящей от новоявленного историка. Он писал, что сочинения Карамзина наполнены ядом якобинства и вольдумства, источают безначалие и безбожие...»⁶.

Неоднозначно влияние на Пушкина и П.А. Чаадаева, по выражению современника поэта Д.В. Давыдова, «человека начитанного и, без сомнения, всегда умного шарлатана в непрерывном пароксизме честолюбия, но без духа и характера, как белокурая кокетка...»⁷. Откровенно прозападные и антиклерикальные взгляды и умонастроения Чаадаева явно не способствовали духовному и религиозному развитию личности Пушкина.

Зато долгое и тесное общение с набожным Василием Андреевичем Жуковским, истинное значение личности которого Пушкин представлял в полной мере, более чем вдохновляло поэта. «На упреки по адресу Жуковского в мистицизме, в пренебрежении к проблемам века, содержавшиеся в письме Рыльева (эту позицию занимал и Кюхельбекер), Пушкин возражал: «Не совсем соглашаюсь со строгим приговором о Жуковском. Зачем кусать нам груди кормилицы нашей? Потому что зубки прорезались? Что ни говори, Жуковский имел решительное влияние на дух нашей словесности»⁸. В 1818 году в стихотворении «К портрету Жуковского» поэт предсказывал:

Его стихов пленительная сладость
Пройдет веков завистливую даль,
И, внемля им, вздохнет о славе младость,
Утешится безмолвная печаль
И резвая задумается радость...

Вместе с тем следует избегать и другой крайности — ошибочно утверждать, будто Пушкин был аскетически устремленным человеком, фанатично уверовав-

⁶ Цит. по статье Игоря Евсина «О масонстве Карамзина и его клевете на царя Иоанна Грозного». — Московские Ворота. — 2014. — № 10. — С. 18.

⁷ Д.В. Давыдов — Пушкину. 23 ноября 1836. // См.: указ. издание книги «Друзья Пушкина», Т. 1. — С. 508.

⁸ См.: Указ. издание книги «Друзья Пушкина». — Т. 1. — С. 328.

шим во Всевышнего, абсолютно чуждым земных благ и радостей. Поэт удивительно органично соединял в себе оптимизм, веру в Господа и человека как создание Божие. Вера в Христа, по его убеждению, одухотворяет, нравственно и морально очищает, исцеляет, но не отлучает от полнокровной земной жизни. Не удивительно, что поэт насыщает свои произведения на христианские мотивы весело искрающимся юмором, жизнелюбием, порой едкой (но не злой!) сатирой (вспомним опять же «Сказку о Попе и о работнике его Балде»).

К сожалению, неистовые пушкиноведы жадно цепляются за любую возможность, чтобы «уличить» поэта в религиозном безверии. Они обращают наше внимание на строчки пушкинского письма из Одессы к другу, где поэт говорил, что берет уроки атеизма у некоего англичанина-философа и что атеизм он признает наиболее правдоподобной философией... Факт существования такого письма бесспорен, как неоспоримо высказывание Пушкина о его «уроках атеизма». Но что это были за «уроки»? Сам же поэт так оценил свою юношескую легкомысленность: «Можно ли школьную шутку взвешивать как преступление, а две пустые фразы судить как всенародную проповедь?» Не логичнее ли прислушаться к более серьезным и ответственным откровениям поэта?

Обсуждая проблему «Пушкин и православно-христианское сознание», нельзя обойти стороной вопрос, еще мало освещенный в пушкиноведении: слава Богу, короткое увлечение поэта масонством, хотя придавать исключительное значение этому порыву нельзя, ибо он не повлиял серьезно на творческие искания «солнца русской поэзии».

Известно, подверженного юношескому максимализму поэта потянул к себе завуалированный под либерализм, политически оппозиционный дух прозападно настроенных «вольных каменщиков», их спрятанная от внешнего глаза романтическая таинственность. Но как только Пушкин осознал далеко идущие разрушительные идеи и планы русских масонов, с которыми был некоторое время дружен, как только чутко уловил реальный запах невинной людской крови в их «святом» желании под корень физически истребить царя, всю его семью и дворцовую челядь, он ощутил полное разочарование в их антигуманных политических целях и устремлениях. И, недолго размышляя, решительно покинул масонское «вольное братство».

Его глубокому аналитическому уму было вполне по силам распознать, что, хотя с 1822 года императором Александром I масонские организации, куда входили декабристы, были в России запрещены, в реальности они конспиративно существовали и вели активную якобинскую информационно-идеологическую обработку российского общества в духе откровенной русофобии, исповедуемой, к примеру, либеральным стихотворцем, доцентом Московского университета Печериним:

Как сладостно — отчизну ненавидеть
И жадно ждать ее уничтоженья,
И в разрушении отчизны видеть
Всемирного денницу возрожденья!

Весьма смутила поэта и яростная антихристианская позиция российских «вольных каменщиков», восхищенно комментировавших на своих встречах обильные кровавые оргии, чинимые французскими радикалами — революционерами, обезглавившими своего короля.

Пушкин прекрасно понимал, что всякие кровавые перевороты и революции, несущие неисчислимые беды и несчастия народу, непременно начинаются с отрицания Святой веры, Господа, Его святых заповедей. Читатель наверняка помнит со школьных лет эпиграф к повести «Капитанская дочка»: «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный».

Возможно, быстрый отход от масонов и разрыв Пушкина с лидерами декабристов объясняется тем, что, как писал митрополит Петербургский и Ладожский Иоанн: «Здесь, на Руси, не работают те масонские механизмы, которые во всем остальном мире срабатывают прекрасно. <...> И происходит это потому, что социальная психология, да и вообще рационалистическая наука, не способна на Руси решить те задачи, которые перед ней ставят разрушители»⁹. «Разрушителями» Архипастырь прямо и недвусмысленно называл мощные международные экуменистические силы, вознамерившиеся создать единую мировую псевдорелигию, растворив в ней святые истины Православия.

Постепенно, но с завидной скоростью Пушкин выработал для себя стройную и глубокую теорию о происхождении христовой веры, о ее всеохватной и облагораживающей роли в жизни народов. **«И я в конце концов пришел к тому убеждению, что человек нашел Бога именно потому, что он, Бог, существует. Нельзя же найти то, чего нет, даже в пластическом искусстве. Идея Божества прирождена нам. Особым таинственным инстинктом мы познаем потустороннюю действительность, которая столь же реальна, как и все, что можем трогать, видеть, испытывать. В народе есть врожденный инстинкт этой действительности, то есть религиозное чувство, которое он даже и не анализирует. Он предпочитает религиозные книги, не рассуждая об их нравственном значении. Когда начинаешь читать Писание, его вкусы становятся понятны, потому что в нем находишь всю жизнь...»** (выделено мной. — *В.Ю.*).

Нет сомнения, что для Пушкина до последней секунды его светлой, освящаемой Господом жизни на первом месте, говоря словами Достоевского, неизменно «оставался пресветлый лик Богочеловека, его нравственная недостижимость, его чудесная и чудотворная красота»¹⁰.

⁹ Высокопреосвященнейший Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. — Посох духовный. — Санкт-Петербург, 2000. — С. 189.

¹⁰ Цит. по статье Романа Ключника «Либеральный этап жизни Ф.М. Достоевского». — Потаенное. — 2021. — № 2. — С. 8.